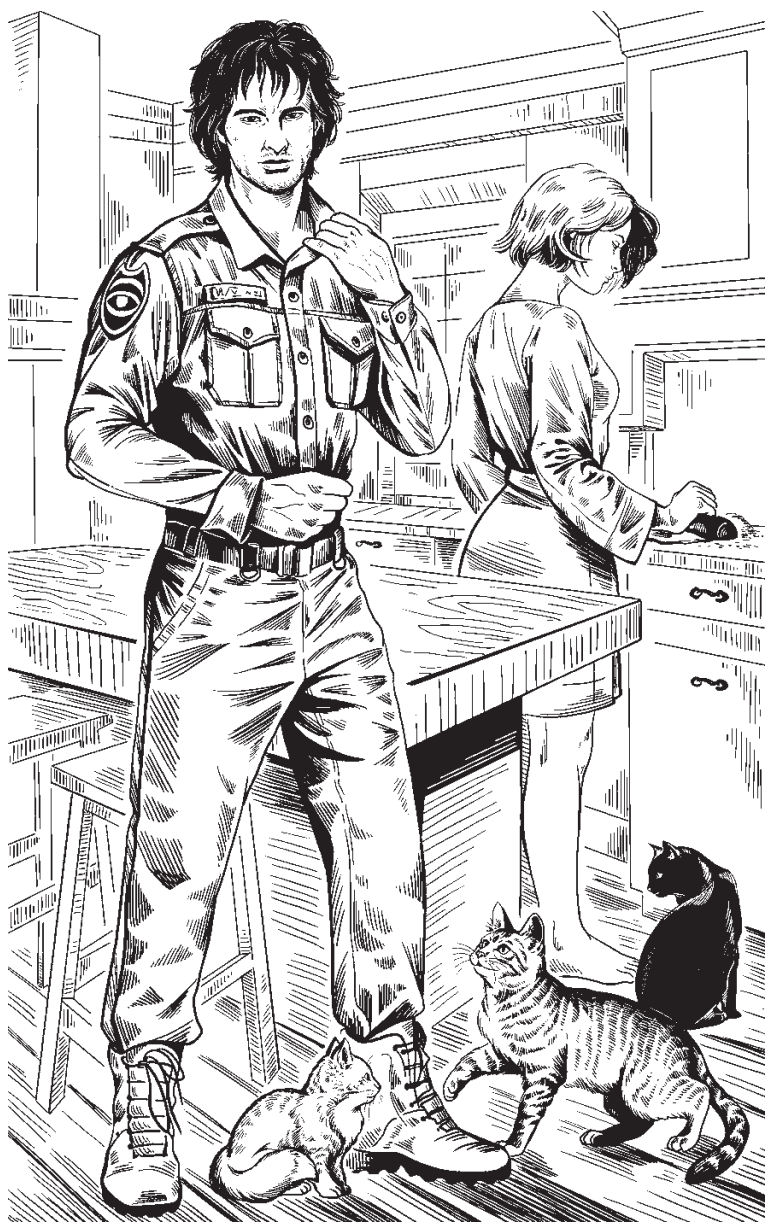

Дарья Кузнецова

СЛОВО ИМПЕРАТОРА
СЛУЧАЙНЫЕ ГОСТИ
Я ВЫБИРАЮ СВОБОДУ!
СПАСИТЕЛЕЙ НЕ ВЫБИРАЮТ
АБОРДАЖНАЯ ДОЛЯ
ЧИСТЫЙ ЛИСТ
ОБРАЗЦОВЫЙ САМЕЦ
ЗМЕЕЛОВОВ БОЛЬШЕ НЕТ
ШЕШЕЛЬ И ШЕЛЬМА
ЦЕНА ОШИБКИ НЕКРОМАНТА

Глава первая,
в которой каникулы оказываются неизбежны

— Привет! Ну как ты тут? — Смутно знакомый голос вырвал из липкого тумана полусна, в котором я плавала уже непонятно сколько времени.

С трудом разлепив глаза, я несколько секунд разглядывала склонившуюся надо мной женщину — красивую, яркую. Короткие черные волосы, серые лукавые глаза, родинка над бровью, придающая насмешливый вид.

Ангелика.

Имя всплыло из глубины памяти, потянуло за собой какие-то обрывки событий и разговоров. Я на мгновение прикрыла глаза, пытаюсь собрать фрагменты в связную картину. Секунда-другая — и это худо-бедно получилось.

Мы подруги, она — журналист. Надежная, но вечно занятая.

— Привет. — Получилось едва слышно. — Слабость ужасная. Вспоминать сложно.

— Ну меня-то ты хоть помнишь?! — возмутилась она.

— Помню, — улыбнулась я. — Немного. Обрывками.

— Ох, бедняжка, как они тебя измордовали! — насупилась Ангелика и угрюмо качнула головой. — Уроды. А еще врачами себя называют! Ничего, вот ты выздоровеешь, я про их бесчеловечные эксперименты такой матерьяльчик накатаю, они у меня...

— Не надо! — поспешила оборвать ее. — Меня же предупреждали. Кажется... Я точно помню, что все могло обернуться хуже, так что они молодцы... — И осеклась, потому что длинная фраза выпила последние силы.

— Ну ладно, ладно, ты только не нервничай! — отмахнулась Ангелика. — Я так, ворчу просто. Тем более они говорят, что всего самого плохого ты избежала, дальше просто нужно вос-

становиться, и память в порядок придет. Держись, милая, ты молодец!

— Я... не помню. Все получилось? — пробормотала я. — Мне, кажется, говорили, но...

— Не то слово! Там, снаружи, так штормит — жуть! — Серые глаза восторженно блеснули и по-кошачьи мстительно сощурились. — Не без моего, конечно, участия. Так бы они, может, по-тихому все слили, отправили тебя на больничный, и ладно, но кто ж им даст!

— Не понимаю, — нахмурилась я. — Что с моими делами?..

— Никакого пересмотра, не волнуйся. А ты теперь — символ справедливого возмездия, подвижница и героиня.

— Что?.. — В голове и так все путалось, а непоследовательность собеседницы только еще больше усложняла ситуацию. Я никак не могла взять в толк, о чем она говорит.

— Так, извини, он же меня предупреждал, что с тобой сейчас нужно поосторожней, — тряхнула короткой стрижкой Ангелика, красиво всплеснув руками. — Рассказываю. Ты помнишь, как здесь оказалась?

— Да. Я согласилась на полное ментальное сканирование. Это был единственный способ доказать, что... — Я снова осеклась и прикрыла глаза, потому что от разговора и попыток напяречь память закружилась голова.

— Тихо, тихо, без нервов! В общем, ты согласилась на ментальное сканирование, чтобы доказать, что ты — не продажная сволочь, взяток не брала и вообще настоящая судья, полностью достойная этого звания. Ну а поскольку сканирование показало, что ты почти неприлично чиста перед законом, поднялась грандиозная буча. — Ангелика самодовольно улыбнулась. — Во-первых, твоего этого уroda уже размазали отсюда до самой Сердцевины. А во-вторых, ты теперь безумно популярна в народе. Сама понимаешь, продажные судьи и вообще взяточничество властных структур — тема привычная, что ни день — кого-нибудь ловят на горячем, а тут вдруг ты, зверь мифический и редкий. Так что можешь преспокойно выздоравливать и возвращаться в строй, тебя никто не посмеет и пальцем тронуть. Народная героиня, страдальца за правду и невинная жертва злодеев.

— Урод... Это ты про Тамиана? — уточнила слабо.

— Ну разумеется! Еще скажи, что ты по нему скучаешь и жалеешь его!

— Нет. — Я устало прикрыла глаза, за которыми начала пульсировать боль.

— Ну и спасибо Творцу! Есть уже как минимум один плюс: ты избавилась от этого слизняка. — Подруге Тамиан никогда не нравился, поэтому такое отношение меня совсем не удивило. — Так, милая, что-то я тебя совсем утомила, — сообразила Ангелика. — Отдыхай, я обязательно еще приду! И не забывая себе голову этим мерзавцем, а то знаю я тебя. Он был тебя недостоин и теперь наконец освободил место для настоящего мужчины, — подытожила она, пожала мне руку и поцеловала в щеку, обдав морским бризом любимых духов. — Все, Винни, не скучай и поправляйся, ты умница!

Я нашла в себе силы улыбнуться в ответ и попрощаться, не открывая глаз. Но наказ подруги волей-неволей выполнила: ни забивать чем-то голову, ни скучать просто не получалось — сразу после ее ухода вымотанный разум ухнул в темноту забытья.

Заметный прогресс намечился, если верить целителю, через пару дней после визита Ангелики — я сама плохо могла отслеживать время. Но в очередной раз проснувшись и ощутив непривычную ясность сознания, испытала облегчение.

— Вы молодец, Лавиния, — похвалил менталист, подтвердив мою субъективную оценку результатами осмотра. Этот пожилой мужчина с залысинами походил на старого пса — бесконечно усталые глаза с мешками под ними и словно бы извиняющаяся улыбка. При взгляде на него болеть сразу становилось совестно: он страдает, мучается, заботится о твоём здоровье, а ты тут лежишь и бездельничаешь. — Очень сильная. Теперь уже можно уверенно заявлять, что сканирование прошло успешно. Конечно, нужно еще наблюдать, возможны какие-то отсроченные последствия, и реабилитация необходима, но самых неприятных сценариев мы с вами избежали.

— Это радует, — улыбнулась я ему. — Значит, мне скоро можно будет отправляться домой?

— Ну... еще несколько дней я вас понаблюдаю, это обязательно, а потом — да, можете идти. Только вот домой я бы не рекомендовал. — Ответная улыбка у менталиста получилась ви-

новатой и грустной. То ли сама по себе, то ли из-за общего выражения лица.

— Почему?

— Наш институт столько, сколько вы здесь находитесь, осаждают журналисты. Конечно, в это крыло им ходу нет: у нас очень строгий контроль посещений и хорошая охрана. Специфика такая: всем нашим пациентам, не только вам, нужен покой и тишина, никаких потрясений и никакого шума, поэтому — только родные и близкие и только по предварительной договоренности, вроде как с вашей подругой было. Но пролезть пытаются. А там, в городе, их уже ничто не остановит.

— Да уж, — кисло ответила я. Конечно, Ангелика с самого начала предупреждала, что интерес ее коллег неизбежен, но одно дело — на словах и о будущем, которое еще, может, не настанет, и совсем другое — понимать, что за дверью кружит стая грифов. — И что вы посоветуете?

— Пока отдыхать. И потом — тоже. Поезжайте куда-нибудь к морю, в тихое сонное местечко. Ну знаете, из таких, где самое большое событие кварталы¹ — роды у соседской кошки. Не в туристический город, не на курорт, а именно в какую-нибудь творцом забытую глушь. И лучше всего — под чужой фамилией.

— И по поддельным документам? — не удержалась я от улыбки.

— Это было бы идеально, но этого я вам не предлагал, — очень серьезно ответил менталист, заговорщицки склонившись ко мне.

— Вы думаете, поможет?

— Не знаю. Но вам нужен покой как минимум на ближайшую пару декад. Никаких потрясений, никаких переживаний, а дома это вряд ли получится, так ведь?

— Да, пожалуй. Спасибо, я подумаю, — пообещала неуверенно.

Думать не хотелось. Потому что в голову лезли исключительно гнусные мысли, от которых и без того нерадужное настроение только еще больше портилось. Пожалуй, единственное, что меня сейчас радовало, — это успех ментального сканирова-

---

¹ К в а р т а — мера времени, четыре декады. Год состоит из четырех сезонов по две кварталы в каждом, сезоны отделены друг от друга межсезоньем, составляющим также около декады. — *Здесь и далее примеч. авт.*

ния, авантюры, на которую я решилась от отчаяния. Пересмотра моих вердиктов за последний год не будет, а значит, кто бы ни стоял за всей этой историей, желаемого он не добился. Больше того, я даже выжила и осталась в своем уме, что можно считать откровенной удачей: ментальное сканирование потому и используют только в крайних случаях — слишком велик риск необратимых повреждений. Но когда тебя загоняют в угол, и не на такое пойдешь.

Такое везение утешало слабо. Когда единственный стимул — жить назло врагам, это не очень-то хорошо.

Нет, несмотря на общее паршивое настроение, состояние и ощущение безысходности, умирать я не собиралась. Выкарабкаюсь. Выучу урок, в следующий раз буду гораздо аккуратнее и все такое. Просто... наверное, менталист прав. Нужно отдохнуть, сменить место и окружение. Сбежать? Пусть так. Сейчас это уже не побег, а тактическое отступление для перегруппировки сил. В конце концов, генеральное сражение я уже выиграла.

— Вы точно хорошо себя чувствуете? — забеспокоился целитель.

— Это не имеет отношения к процедуре, — поморщилась я.

— Так и я специалист не по сканированию, а по голове, — улыбнулся он. — Рассказывайте. Что случилось?

Я неопределенно пожала плечами. Как-то странно это — вываливать личное на постороннего человека. А с другой стороны... эти люди выпотрошили мои мозги и знают обо мне, наверное, больше, чем я сама. Более чем уверена: он в курсе, что именно меня угнетает, но проявляет вежливость. Или, может быть, использует какой-то особенный медицинский подход.

— Я не знаю, как жить дальше. После... всего. Как можно доверять людям? Как смотреть в глаза коллегам, которые раньше улыбались, а потом стали поливать грязью? Не все, конечно, но... Противно.

— Отдохните, Лавиния, — тепло улыбнулся мужчина, пожал мою руку, расслабленно лежащую поверх тонкого больничного одеяла. — Я понимаю, о чем вы, и у вас, конечно, есть повод для переживаний. В конце концов, разочаровываться в людях всегда тяжело. Но я уверен, вы справитесь, вы молодая и очень сильная. Просто переживания наложились на последствия процедуры, поэтому вам сейчас так трудно. Мало того

что потрясение, так еще организм истощен: не физически — психологически. Это, получается, как обычная простуда: если сильный иммунитет, то она проходит быстро и легко, а если нет — может надолго затянуться. У вас сейчас, продолжая аналогию, иммунитет очень ослаблен процедурой

— То есть на скорое облегчение рассчитывать не приходится? — усмехнулась я.

— На полное восстановление понадобится кварта или больше, но самочувствие выровняется уже через пару декад, а с ним и настроение. А пока возможна чрезмерная или сниженная эмоциональность, чувствительность, утомляемость... В общем, вам точно нужно отдыхать. И аккуратно принимать лекарства.

— Хорошо, я поняла. Постараюсь быть дисциплинированным пациентом.

— Я в вас не сомневался. Да, еще одно! Приходил следователь, очень хотел с вами поговорить, когда сможете.

— Следователь? А по какому вопросу? — сразу же насторожилась я. За последние перед сканированием дни я уже так наговорила с этими людьми, что вряд ли скоро смогу спокойно с ними общаться.

— Он не говорил, но держался очень вежливо. Гитон Марг, кажется, так.

— Гитон? — Я еще больше растерялась. — А ему-то я зачем могла понадобиться?..

— Вы его знаете? Мне сообщить, что вы не желаете его видеть?

— Нет, напротив, я с ним поговорю. Да, я его знаю, он... хороший следователь.

Менталист еще немного посидел со мной, пытаясь отвлечь и развлечь, а после отправился к остальным своим немногочисленным пациентам.

Следователя Марга я знала достаточно давно и очень уважала: серьезный, опытный мужчина, отличный специалист, въедливый и аккуратный — идеал своей профессии. Пересекались мы нередко, с ним было одно удовольствие работать. Если Гитон приходил за каким-то постановлением, это всегда было оправданно и почти всегда — результативно.

Вот только одна проблема: Марг состоял в отделе убийств, и я понятия не имела, что ему могло понадобиться. Свои судебские обязанности я сейчас выполнять не могла, ему прямая

дорога к кому-то, занявшему мое место, как частное лицо я ему тем более неинтересна. Когда я успела стать свидетелем или, хуже того, обвиняемой в убийстве?!

Однако бегать от следователя я в любом случае не собиралась, это глупо. Он все равно найдет способ поговорить, и лучше сделать это добровольно поскорее, чем полдекады спустя по повестке в допросной УСД — Управления следственных дел.

Явился Марг очень скоро, не прошло и пары часов. С небольшой картонной коробкой в руках и, к моему удивлению, один; обычно его сопровождал кто-то из молодежи — и из соображений передачи опыта, и для всяческой беготни и оформления бесчисленных бумажек.

Очень примечательный тип: чрезвычайно высокий, нескладный, с длинными руками и ногами, он напоминал кузнечика, да еще хромал и всегда ходил с потертой тяжелой тростью. Я знала, что трость эта с сюрпризом, — внутри прятался клинок: как-то доводилось выносить вердикт по делу о превышении Маргом полномочий. А вот лицо, в пику сложению, у него было очень располагающим, приятным, даже красивым: тонкое, одухотворенное, с большими темными глазами, в обрамлении слегка вьющихся темно-серых волос.

Такая наружность скорее подошла бы художнику, но досталась сыщику, чем тот с удовольствием пользовался. Незнакомые люди легко верили в его безобидность, рассеянность и доброту. Опасное заблуждение, когда имеешь дело с одним из лучших боевых некромантов столицы, пусть и занимающим сейчас вполне мирную должность.

— Добрый день, Лавиния, — улыбнулся он, кажется, вполне искренне.

— Здравствуйте, Гитон. А он добрый? — спросила осторожно, поглядывая на коробку.

— На мой вкус, так неплохой. — Марг опустил на стул рядом с постелью, протянул упаковку мне: — Вот, это вам. Я решил, что навещать кого-то в больнице без гостинца — невежливо.

— А вы пришли просто меня навестить? — Я еще больше насторожилась, но в коробку заглянула. Там обнаружилось четыре пирожных, чуть помятых во время переноски, но все равно очень аппетитных на вид.

— Не просто, — успокоил следователь. — Но одно другому не мешает. Я хотел поговорить с вами о Тамиане Юрде.

— Я не хочу о нем говорить, — отрезала я.

— И все-таки вынужден настоять. — Гитон с извиняющимся видом развел длинными руками.

— Зачем вам это? — спросила мрачно.

— Дело в том, что позавчера Тамиан Юрд был убит, дело это поручили мне, и начальство всех мастей требует результатов еще вчера... Ну, вы знаете, как это бывает. Лавиния? Вам плохо?

— Нет, я... — пробормотала тихо. — Подайте халат, пожалуйста, он вон там, на вешалке. Я не могу обсуждать такое лежа.

Гитон не заставил себя упрашивать. Поднялся, достал из шкафа халат, придержал, пока я пыталась попасть дрожащими от слабости руками в рукава. Смысла стесняться и отсылать следователя не было, в кровати я лежала в более чем пристойной больничной пижаме. А Марг — не мужчина сейчас, следователь.

Одевшись и запахнув халат, я села на край постели поверх одеяла. Гитон, все это время наблюдавший за мной с интересом, как энтомолог за занятой букашкой, вернулся на свой стул.

Я силилась ощутить хоть что-то, но новость не тронула. Со всем. Как будто речь шла о ком-то чужом, постороннем. Не мужчина, которого я искренне любила почти год, а просто строчка некролога в газете.

Интересно, это та сниженная эмоциональность, о которой предупреждал менталист? Или для меня Тамиан умер раньше, за последнюю квартиру, пока длилось разбирательство и пока я выслушивала унизительные обвинения, терпела допросы и пыталась выдержать устроенную травлю?

— Как он умер?

— Ему перерезали горло в подъезде собственного дома. Одним движением, напали сзади, нож самый простой, брошен рядом с трупом, на нем никаких следов. Явно работал профессионал. Вошел за ним, схватил за волосы, чирк — и нет. — Гитон изобразил жестами.

— Мне, надеюсь, не надо доказывать, что я уже несколько дней не покидала этой палаты? И организовать убийство у меня тоже не было возможности.

— Ну что вы, Лавиния, — укорил он. — Я ни за что не поверю, будто вы решили его убить, да еще теперь, полностью оправдавшись по предыдущему делу. Впрочем... Даже если бы решили, мне бы никто не позволил вас подозревать.

— Почему?

— Нас журналисты сожрут с потрохами, если вас сейчас еще в чем-то обвинить. Но это все ерунда, речь о другом. Когда точно вы познакомились с Юрдом? При каких обстоятельствах?

Познакомились с Тамианом мы просто — в кафе недалеко от моего дома. После окончания дел я любила там сидеть в одиночестве — приводила в порядок мысли. Пила вкусный кофе, позволяла себе пару пирожных — за моей фигурой приходится следить, иначе она начинает расползаться и стремиться к идеальной форме, то есть к шару.

Юрд был... интересным. Наверное, хорошим психологом. Не красавец и не воплощенная девичья мечта, но очень обаятельный. Обычно я в такие моменты предпочитаю одиночество, но тогда почему-то поддалась на самую банальную из возможных попыток познакомиться. Почему такая красивая женщина скучает одна, позвольте присесть, позвольте угостить вас вином...

Я здраво отношусь к своей внешности. Понимаю, что не роскошная красавица, которой вслед оборачиваются, но знаю и плюсы — например, пышная грудь, выразительные ярко-синие глаза. Поэтому внимание Тамиана меня не насторожило, он был не единственным, но польстило, потому что интересные мужчины знакомились со мной не слишком часто.

Он ухаживал. Тоже банально, но редкой женщине будут на самом деле неприятны всякие типичные мелочи вроде цветов и конфет. Не расспрашивал о моей работе, не пытался в нее лезть. О том, что я судья, узнал якобы случайно только через квартиру наших встреч, но это вроде бы ни на что не повлияло. Был интерес к моей работе, но как будто совершенно невинный, мимолетный, просто как к части моей жизни. О себе говорил, что работает в большой торговой компании, ведущей дела с Сердцевинной и поставляющей туда продукты.

Я влюбилась. Сама не поняла, как это произошло — легко, медленно, исподволь. Сначала было любопытно и приятно, потом я начала чувствовать себя рядом с ним счастливой.

А чуть больше трех декад назад все закончилось. И счастье, и любовь, и репутация...

Тамиан Юрд оказался посредственным адвокатом, нанятым одной местной юридической конторой в Сердцевине, — поэтому я и не узнала его, нам негде было пересечься. Как меня только ни полоскали за эту связь! А Тамиан... ничего личного, просто работа. И предложение о браке, которое я приняла за декаду до обнаружения правды, тоже было только работой.

Пересказ истории вышел сухим, безэмоциональным. Наверное, дело все же не в последствиях сканирования — у меня было достаточно времени, чтобы все отболело и отмерло. Поначалу я еще пыталась обманывать себя и твердить, что все это происходит не на самом деле, а теперь... Опускаться до такого самообмана — уже диагноз.

— Только я не понимаю, чего именно вы хотите от меня, — попытожила я пересказ. — Мне кажется, все это уже выясняли, и рассказывала я не по одному разу. Не вам, конечно, но... При чем тут эта история? Или вы полагаете, что убили Юрда именно из-за нее?

— Это одна из версий, — кивнул Марг. — Как минимум потому, что в последний год он занимался почти исключительно вами. Конечно, Юрд был нечистоплотен в делах, и наверняка нажил себе достаточно врагов раньше, и вполне мог удрать из Сердцевины от них, чтобы спрятаться, и маскировка закончилась вместе с этим большим и шумным скандалом. Но сомневаюсь, потому что не того полета он птица, чтобы год искать по всем лепесткам. Нет, я почти уверен, что все связано с последними делами.

— Я уважаю ваше чутье, Гитон, но это сомнительно. Если тот, кто заказал меня, готов на убийство, зачем было городить такие сложности? Гораздо проще сразу убить и договориться с другим судьей. Разумеется, есть риск после этого опять наткнуться на кого-то принципиального: что бы ни говорила пресса, а я не одна такая честная. Не все и не на все закрывают глаза за деньги, уверяю. Но этот риск есть в любом случае.

— Вот и начальство мое то же самое говорит, — сказал Марг. — И мягко, но настойчиво подталкивает к разработке прежних контактов Юрда. Между тем у меня есть версия, почему против вас сплели такую сложную интригу, не поскупившись на деньги, а теперь вдруг начали устранять свидетелей.

До сих пор не удалось точно установить, по чьему заказу работал Юрд. Да никто, честно говоря, особо и не пытался. Ну что ему можно предъявить? Что он лгал женщине о своей профессии? Вы не хуже меня понимаете, что привлечь организатора можно в лучшем случае за клевету, и то он, скорее всего, выкрутится и отделается необременительным штрафом. Но есть одна деталь: после всей этой истории Юрда лишили адвокатского статуса. Он и до сих пор висел на волоске, а весь этот скандал стал последней каплей. И со средствами к существованию у него стало совсем туго.

— Вы думаете, он начал шантажировать организатора? — сообразила я. — За что его и убрали?

— Вероятно. И не исключено, что шантажировал Юрд не подробностями вашей подставы, за такое много не получишь. Он наверняка неоднократно встречался с заказчиком и мог увидеть или услышать что-то, не предназначенное для его ушей, или найти намеренно, для подстраховки. И, вполне возможно, не о вашем враге. Я склоняюсь к мысли, что убийство его организовал кто-то другой. Как вы верно отметили, совсем другой стиль работы.

— Как-то все это... притянута за уши.

— Может быть. Да вы не волнуйтесь, я все версии разрабатываю. И прежних недругов, и вариант с вами, и какие-то иные личные связи вроде мести давнишних любовниц или недовольных клиентов. Но чутье потребовало все же поговорить с вами.

— Боюсь, ничем не смогу помочь, — я развела руками.

— Это не единственная причина моего визита. Кроме того, я хотел вас предупредить... — после короткой паузы проговорил мужчина, чуть хмурясь. — Если я прав и мы имеем дело со сговором нескольких лиц, то вам может угрожать серьезная опасность. Они убрали свидетеля, могут и вас... заодно.

— Но какой смысл делать это теперь, когда я доказала собственную невиновность? Теперь уже пересмотреть мои дела будет невозможно.

— Из мести, полагаю.

— Гитон, вы, простите, говорите какую-то ерунду. У них был такой неторопливый, продуманный, аккуратный план, с помощью которого меня пытались подставить. Без малейшего риска для организатора, без возможных негативных послед-

ствий, то есть проработанный кем-то чистым перед законом и не желающим мारаться. А тут вдруг вы приходите и говорите, что те же люди собираются меня убить. Вы всерьез верите в это? — нахмурилась я. — А совпадение, будто Юрд что-то где-то услышал, и вовсе отдает бредом.

Поведение Марга откровенно настораживало. Повода не доверять этому мужчине у меня не было, он давно зарекомендовал себя как надежная и честная ищейка. Но сейчас явно юлил.

— Ладно. — Гитон вздохнул и потер переносицу. — У меня есть непроверенный и довольно ненадежный источник, который уверен, что вас собираются убить. Вы очень многим как кость в горле, и то обстоятельство, что вы и сейчас сумели выкрутиться, стало кое для кого последней каплей. Я не назову имени и тем более не имею никаких весомых доказательств, я даже не уверен, что попытка найма действительно увенчалась успехом. И если бы речь шла о ком-то другом, я бы не беспокоился. В конце концов, мне собственное начальство по голове настучит, если я попытаюсь озвучить эти подозрения. Но лично вас я уважаю и не хотел бы, чтобы вы пострадали. Поэтому решил предупредить.

— И для этого зашли настолько издалека? — Я поморщилась. — Гитон, вы снова темните. В конце концов, вы не найдете ни одного судьи, кому так или иначе не грозили всем, вплоть до смерти. Приговоренный, его родственники, недовольные слишком мягким вердиктом родственники пострадавшего. Обещают достать, пугают связями и угрожают расправой — и после суда, и во время, и до. Почему именно сейчас вы уверены, что мне грозит настоящая опасность? В ближайшую квартиру я вряд ли вернусь к работе, все мои текущие дела переданы коллегам. Да и потом... несмотря на всю эту шумиху, еще неизвестно, смогу ли я — и дадут ли мне! — работать. Даже если я вполне восстановлюсь после сканирования, во что искренне верит целитель.

— Сложно с вами, — улыбнулся Марг. — Хорошо, начистоту. Пока вы... болели, Юрд был очень нервным и очень много болтал. Подозреваю, он просто чувствовал, что на его шее затягивается удавка. И, подозреваю, сказанное им надо делить на десять, но...

— Он наговорил что-то про меня? — нахмурилась я, впервые за последнее время испытывая в адрес бывшего возлюбленного эмоции: раздражение и сожаление, что при последнем разговоре удержалась от оплеухи.

— Не прямо. Он просто говорил, что подстраховался и в случае его смерти один надежный человек, до которого никому не дотянуться и которого никто не найдет, обнарудует некие сведения. Поскольку про смерть его не написал только ленивый, а ничего провокационного до сих пор не всплыло, есть два варианта: либо это была ложь, либо этот человек по каким-то причинам не мог обратиться в УСД или к другим серьезным людям. И тут на ум приходите именно вы.

— Вот сволочь. То есть он меня еще и после смерти подставил? — возмутилась я. — Но почему? Кто в это поверит? После такого скандала...

— Многие люди не верят прессе. А вы не хуже меня знаете, что любую информацию можно вывернуть как угодно, и найти в этом скандале признаки вашего сговора с Юрдом — тоже, было бы желание. И я не утверждаю, что все обстоит именно так, но в любом случае посоветовал бы вам побережться.

— А почему нельзя было сказать об этом прямо?

— Потому что я понятия не имею, насколько все это правда. До сих пор неясно, кто мог организовать вашу травлю и подослать Юрда, у меня десяток фамилий в разработке. Ну и кроме того, рассказать детали вашей с ним истории знакомства сейчас можете только вы, а они мне в любом случае нужны. А еще есть ряд вопросов о том, как он вел себя за этот год, не было ли чего-то странного, настораживающего. Я понимаю, что сейчас вам сложно вспомнить — и по моральным причинам, и по сугубо физиологическим. Но очень надеюсь, что вы подумаете и дадите мне хоть какие-то зацепки. Он же не мог совсем ничего не говорить о собственном прошлом! Положим, о работе-то по-малкивал, но влюбленные люди вообще редко говорят о рутине, это прерогатива давно сложившихся пар. Ничего не приходит на ум?

— Как вы правильно заметили, вспоминать, особенно мелочи, мне сейчас сложно. Но я поняла, постараюсь. Это все, о чем вы хотели поговорить?

— Конечно нет. Я хотел предложить вам на некоторое время уехать из города.

- А вы не думаете, что там меня будет куда проще достать?
- Если вы просто уедете — разумеется. Но есть одна идея...

Идея Марга оказалась довольно простой и сводилась к банальной ловле на живца. Правда, надо отдать ему должное, поработать приманкой лично мне никто не предлагал, мое место должна была занять какая-то коллега следователя. Немного грима, немного правильной одежды, ментальный слепок — и, если верить Гитону, ее даже хорошие знакомые от меня не отличат. Высказывание о том, что у меня типичная внешность и ее несложно будет скопировать, по-женски не польстило, но лучше быть обычной и живой, чем красивой отправиться в печь.

Да и не очень-то умно обижаться на правду. Мы с Ликой всегда смеялись, что из нас можно собрать одну идеальную женщину, если не по характеру, то уж внешне — точно. Она слишком худая, очень переживает из-за отсутствия у себя груди и других аппетитных округлостей, а я — веду с этими округлостями неравный бой почти всю жизнь. У нее красивое лицо и изумительные волосы, но глаза — тусклые, глубоко посаженные, что она старательно исправляет косметикой. Мое же лицо до крайности заурадное, его невозможно запомнить, тонкие слабые волосы самого распространенного в нашем лепестке базальтового оттенка — невнятно темно-серого, пыльного; зато очень красивые глаза, глубокого и яркого синего цвета. В общем, так и напрашивается идея собрать одно совершенство и выбросить все остальное.

А женщину, которой предстояло меня заменить, Марг грозился привести для знакомства. Конечно, не ради удовлетворения любопытства, встреча требовалась ей для работы. Меня же некромант планировал аккуратно спровадить на отдых. По чужим документам. Интересно, это он с моим целителем пообщался или они просто думают в одну сторону?..

— А потом кто-нибудь распознает подделку, и меня посадят. Прекрасная идея! — проворчала я.

— Не волнуйтесь, не распознает, — улыбнулся Марг. — Вы что-нибудь слышали о городке с названием Клари?

— Первый раз слышу. — Я задумчиво качнула головой. — А чем он знаменит?

— Ничем. Нам он подходит как раз тем, что это маленький городок на побережье. Там красивые пейзажи, чистое море,

прекрасный воздух. Но самое главное — никаких туристов. Сонное уютное захолустье, где любой приезжий сразу оказывается как на ладони. Там к вам точно никто не сумеет подобраться.

— Да, только и я там буду чужой. Я прекрасно знаю такие захолустья, сама в подобном родилась. Мне же местные и не дадут жизни.

— О, об этом не беспокойтесь. Тамошний шериф — мой старый знакомый со времен службы у Разлома. Боевой некромант большой силы и опыта и вообще очень надежный, хороший человек. Я ему напишу, он вас примет, так сказать, под крыло. Устроит все с жильем, подберет хорошую комнату у какой-нибудь местной пожилой вдовы, ну и присмотрит заодно, чтобы вам никто не угрожал.

— Напишите? — растерялась я. — Там что, зеркальной линии нет?!

— Есть. — Мне показалось или он правда смутился? — Только на прием она работает плохо, не везде. Оттуда мигнуть можно, а вот туда — уже труднее, не всегда сигнал проходит. И ловит не везде, это надо в специальное место идти.

— То есть там все настолько глухо?

— Зато отдохнете, — оптимистично заявил Марг. — Вам же как раз и нужно тихое, спокойное место, чтобы восстановиться. И никаких журналистов, никаких напоминаний о неприятных моментах!

— Ну да. А еще меня можно посадить в одиночку, там тоже никаких напоминаний и безопасно.

— Ну зачем вы так, Лавиния? Там изумительно красивые места, природа. Я бывал в тех краях, прекрасное место для отдыха. И люди хорошие, дружелюбные.

— Да, только чужаков не любят... Я правильно понимаю, что, если я не соглашусь на этот вариант, ловить на живца вы все равно будете, только уже прямо на меня?

— Могу дать слово, что лично я никаких слухов о вас не распускал и вообще не имею к этому отношения, — с легким укором заверил следователь. — Лавиния, я уже говорил — я очень уважаю вас как специалиста и искренне желаю уберечь. Среди судей по уголовным делам крайне мало людей, с которыми по-настоящему приятно работать.

— Хорошо, я вас поняла, — после короткой паузы сдалась я. — Целитель тоже настаивал на отдыхе где-нибудь в тихом месте, и природа, конечно, подойдет для этого лучше, чем человеческое общество. А этот ваш... надежный сослуживец — он вообще нормальный? Не принимайте на свой счет, но вы не хуже меня знаете, что многие боевые некроманты, мягко говоря, не в себе. Конечно, служба у Разлома — то еще испытание, и я им искренне сочувствую, но... Не хотелось бы лично сталкиваться с последствиями их травм. Мне сейчас собственных хватает.

— Об этом не волнуйтесь, Адриан вполне здоров.

— И именно поэтому забился в такую глушь? — не поверила я.

— Все гораздо проще! — рассмеялся Гитон. — Он там родился. Потом заболела мать, он уехал ухаживать за ней, ну и остался в конце концов там. Разлом ни при чем, Адриан в принципе очень спокойный человек и не любит шума, так что там он на своем месте. Не волнуйтесь, я бы ни в коем случае не отправил вас к психопату.

— Очень на это надеюсь. Как вы планируете все это организовать?..

Однако ответить Гитон не успел. Дверь распахнулась, впуская разъяренную, как порождение Разлома, Ангелику. В ярко-алом брючном костюме, с ярко-желтым шелковым шарфом, она напоминала сполох пламени — очень подходящий образ. Ей вообще идут сочные цвета и немного безумные наряды, я бы в подобном смотрелась чудовищно.

— И что это такое?! — Подруга уперла руки в бока и мрачно уставилась на следователя. — Кто давал вам право...

— Лица, не кричи, — попросила я. — Мы просто разговариваем, Гитон зашел меня навестить. — Я кивнула на коробку, до сих пор сиротливо стоявшую на тумбочке.

— Так я и поверила! — буркнула она, но уже спокойнее — кажется, поняла, что никто меня не мучает. — Он не имеет права тебя допрашивать без адвоката!

— Лица, я законы знаю лучше тебя, — проворчала я недовольно. — Сядь, не стой в дверях. Кстати, вот, — кивнула на подругу, обращаясь к следователю. — Как вы планировали обмануть ее?

— Что значит «обмануть»? — опять взвилась Ангелика. — Я так и знала, что он тут не просто так!

— Да, пожалуй, об этом я не подумал! — засмеялся Гитон, полностью игнорируя возмущенную журналистку. — И много у вас таких вот знакомых?

— Только Лика, я... не особо общительна, — ответила не без смущения.

Не слишком приятно осознавать и тем более признавать вслух, что на тридцать шестом году жизни у тебя из всех близких людей — единственная подруга, с которой ты уехала из родного города, чтобы учиться. Родители посчитали тебя предательницей и не желают видеть, в школе друзей тоже не было, одни приятели, в университете — та же картина. А коллеги...

— Винни? Да о чем вы вообще?!

Следователю явно этого не хотелось, но пришлось рассказывать Ангелике все. К удивлению Марга, журналистка пришла в восторг от плана и горячо его одобрила, даже изъявила желание поучаствовать для поддержания легенды. Гитон поглядывал на меня озадаченно, но вопросов не задавал. А я... Творец, ну это же Лика! Она всегда была авантюристой.

В итоге окончательный план они разрабатывали без моего участия и не в моей палате. Впрочем, это даже к лучшему: долгий разговор со следователем и попытки покопаться в памяти здорово утомили, поэтому после ухода гостей я опять улеглась спать — разболелась голова, да и настроение после всех этих размышлений сильно испортилось.

Я, конечно, с самого начала пыталась понять, кому было выгодно меня затравить. До такой степени, что не пожалели денег нанять Тамиана Юрда на целый год, да еще столько тянули с разоблачением. Это можно было считать единственной подсказкой: стоило рассматривать лишь те дела, которые длились достаточно долго, то есть были начаты до нашего знакомства и окончены незадолго до разоблачения. Но с учетом всех сроков апелляции и прочих деталей список расширялся до упомянутого Маргом десятка имен.

Увы, все дела, в которых замешаны большие деньги, быстро не заканчиваются. Кроме того, популярна практика передавать дело тому, кто сопровождал расследование с самого начала, то есть подписывал санкции на обыск, разрешал слежку и прочее. Следствие же само по себе порой тянется годами.

Причем я почти не сомневалась, что поначалу никто не планировал затягивать это так надолго. Тамиан, скорее всего, дол-

жен был найти ко мне подход, отыскать слабости и рычаги давления. Но, видимо, наниматель вскоре понял, что добром со мной договориться нельзя, — если рассчитывал замять дело. Ну или посчитал достаточно честной и благонадежной — если искренне переживал за исход, но его направление на первых порах устраивало.

В любом случае делал все это человек расчетливый, осторожный и явно не желающий всерьез нарушать закон, не испытывающий недостатка в деньгах. Травлю организовали тщательно, с умом, подогрели прессу, и я даже подозревала, что организатор не только планомерно шел к своей цели, но и получал удовольствие в процессе. И чтобы теперь вот так перерезать горло свидетелю? Не верю.

Да, Юрд много болтал. Когда в прессе в очень грязной форме всплыла информация о связи и якобы сговоре судьи с адвокатом, Тамиан не стал играть несчастную жертву и в личной беседе почти сразу заявил мне, что с самого начала все было спланировано. Вообще много чего наговорил, что не хочется лишний раз вспоминать. Как я ему надоела, как ему было противно, как...

Этот разговор я предпочла бы забыть навсегда, но именно он засел в памяти чересчур крепко.

Конечно, Юрд в перспективе легко мог проболтаться о том, кто ему за все это заплатил, и напугать «работодателя» проблемами — для богатых людей репутация тоже очень важна. Или узнать что-то еще, не связанное с моим делом, как и говорил Марг. Вот только я никогда не поверю, что человек, который сплел такую сложную красивую интригу, не нашел бы способа избавиться от Юрда аккуратнее, чем ножом по горлу. Да и в то, что разом два человека независимо друг от друга твердо решили меня устранить, поверить сложно.

В общем, если Тамиан и узнал лишнее, то не об этом человеке и, скорее всего, с ним никак не связанное. А единственной внятной угрозой мне могла служить только последняя, озвученная Маргом, то есть кто-то может подумать, будто Юрд оставил мне какие-то сведения. Хотя тоже нелепица какая-то.

Нет, Гитон точно не сказал правды, кого и почему он хотел ловить. Впрочем, несмотря на сомнительность версий следователя и откровенное замалчивание им причин собственного поведения, я вполне верила в его благонадежность и доброе ко

мне отношение и не возражала против предложенного плана всерьез. Это действительно лучший вариант — временно сменить обстановку и фамилию.

Считается, что перемены отлично помогают справиться с хандрой, вот и проверю.

Глава вторая, в которой случайный попутчик портит отпуск

Говорят, все боевые некроманты безумны. Кто-то в большей степени — и его изолируют от общества, кто-то в меньшей и даже кажется нормальным. То ли они все изначально такие, потому что дар сказывается, то ли становятся после службы у Разлома, понятия не имею.

Я раньше, стараясь быть справедливой и не судить поспешно, считала все это байками. Ну примерно как журналистов поголовно считают беспринципными падальщиками, готовыми ради хорошего материала продать родную семью, а у меня перед глазами есть Ангелика. Которая своего, конечно, не упустит, но никогда не пойдет на подлость.

Оправдывая некромантов, я каждый раз вспоминала Гитона Марга. Он казался спокойным, рассудительным, умным человеком, гораздо более нормальным, чем основная масса моих знакомых. Но теперь уверенность в этом пошатнулась.

Просто никогда прежде мне не доводилось видеть его в работе, только в короткие моменты деловых встреч по вопросам того или иного расследования, когда Гитон был подготовлен, аккуратен и невозмутим. Оказывается, между этими встречами Марг кардинально менялся. Он был не просто энтузиастом своего дела, а самым настоящим фанатиком. Гитон жил только работой и думать о чем-то еще не мог, кажется, чисто физически, а окружающих людей воспринимал исключительно как фигурантов, нынешних или будущих. И отношение это очень утомляло, я искренне сочувствовала его коллегам и особенно подчиненным.

Думать, что Марг отправил меня к еще одному боевому некроманту, не хотелось, но думалось. Я пыталась успокоить себя теми объяснениями, которые приводил сам следователь, — что шерифу просто уютнее в родном городе, но альтер-

нативные теории возникали одна за другой. Что он дичится людей, псих-одиночка и вообще жертва Разлома в самом худшем варианте, с кошмарами, галлюцинациями и припадками ярости, почему и забился в дальний угол. А учитывая, что в таких маленьких городках шериф — это, считай, главная власть, делалось совсем уж не по себе. Утешало только обещание Ангелики поднять панику, если вдруг я перестану выходить на связь.

В остальном же я из подготовки этой поездки выпала совершенно. Было не по себе от ощущения, что меня несет мощный поток, но возразить не хватало ни воли, ни сил. И вот как раз это пугало особенно: я привыкла самостоятельно выбирать судьбу, а здесь — чувствовала себя потерянной. И, боюсь, дело было совсем не в последствиях сканирования, а в моем личном Разломе, после которого невозможно остаться прежней.

Наш мир напоминает цветок с пятью лепестками. Есть Сердцевина — это один огромный город, в котором разные расы прихотливо смешаны и живут достаточно мирно. Этому способствует и постоянное присутствие там Творца, который хоть и редко вмешивается в дела своих детей, но не может на них не влиять, находясь рядом.

Три лепестка — это миры стихийных рас. Водные амфиры живут в Черном, воздушные венги — в Синем, а огненные деморы — в Красном. Я видела стихийных только мельком, в столице, они очень редко до нас добираются. Эти лепестки далеко, сообщаются с нами только через Сердцевину, и долгое время их жители считались сказками. Крылатых венгов называли ангелами, вестниками Творца, рогатых деморов — демонами, его злейшими врагами.

Никто, конечно, не ответит, откуда взялись эти мифы, но считается, что прежде мир имел другую форму — был почти круглым бутоном, и все расы могли общаться свободно. А потом расцвел, что обернулось для обитателей множеством потрясений, заставивших забыть прежнюю жизнь. На память остались только сказки, причудливо искаженные временем.

Мы живем в Белом лепестке, воплощении Духа. Или, как иногда говорят, Смерти. Менталисты, некроманты и нейтралы, устойчивые ко многим видам магии, — это таланты нашей расы. И долгое время из всех соседей мы общались только с

жителями Зеленого, перевертышами: два близких лепестка соприкасаются.

Увы, общение это очень редко было мирным, добрососедства не получалось. Нескончаемые войны велись одна за одной, пока в последнюю из них не произошло страшное. Очевидцев не осталось, поэтому никто не может сказать, что именно тогда случилось, но это точно не было вмешательством Творца. Вдоль почти всей линии соприкосновения лепестков пролет Разлом. Черная бездна постоянно исторгает из себя хищных нематериальных тварей, выпивающих из людей чувства, разум и душу.

Я никогда не видела Разлома. Рядом с ним способны выживать только обученные некроманты, они как-то умеют противостоять его разрушительной воле, а все прочие... Чаще всего нейтралы вроде меня заканчивают в тех местах прыжком в ничто, а менталисты очень быстро выгорают.

Разлом возник чуть больше столетия назад, и, насколько я знаю, до сих пор нет ни одного внятного объяснения его природы и уж тем более — способа его уничтожения. Перевертыши, которым тоже с их стороны приходится несладко, винят в его появлении нас, мы — их, но обоим соседям ничего не остается, кроме как бороться с угрозой. Сообщаются два лепестка теперь через узкий Перешеек и о войне уже не помышляют.

Поначалу глупые дети просили Творца о помощи, но он оказался глух к мольбам. Наш бог слишком справедлив, чтобы исправлять наши ошибки. Собственно, тогда и стало окончательно ясно, что Разлом сотворили люди.

За эти годы он незаметно вошел в нашу жизнь. Даже те, кто никогда его не видел, с детства привыкают жить рядом с ним. Потому что в любом ребенке к тринадцати годам может проснуться дар некроманта, который означает неизбежное знакомство с Разломом и его порождениями. Боевые будут противостоять хищным духам, мирные, из которых часто выходят потом целители, — спасать и защищать боевых.

Про Разлом пишут книги, его рисуют, им ругаются, он стал термином в психологии и экономике — частью нашей жизни. Иногда кажется, что часть эта неотъемлема, она была всегда и останется навечно.

Сидя в пустом купе готового к отправлению поезда, я рассеянно думала именно об этом. О Разломе на краю лепестка, с ко-

торым мы научились жить и быть счастливыми, и о разломе в моей собственной жизни, к которому еще предстояло привыкнуть.

И хотя я испытывала облегчение оттого, что суэта закончилась, я скоро отправлюсь в путь, решение принято и не изменится, все равно грызло неприятное чувство, что это попытка сбежать от проблем. Как было — уже не будет, и вряд ли я смогу даже после окончательного восстановления нормально работать. Не дадут.

Попроситься, что ли, к Маргу стажером?..

Мои вялые, унылые мысли прервало появление попутчика, и одновременно с этим мимо окна медленно поплыл перрон с провожающими.

Соседом по купе оказался грузный мужчина средних лет, суетливый и потеющий. Он постоянно утирал платком лоб, вздыхал, то и дело пытался найти что-то в своем небольшом саквояже и опять вздыхал — тяжело, хрипло. Мужчина этот вызывал усталую жалость и легкую досаду на себя за недавнее нытье. Что ни говори, а мне все-таки очень повезло: я жива, почти здорова и достаточно молода, чтобы выучить этот урок и идти дальше. А здесь человек явно болен, но ничего, не страдает и не ноет, даже радуется жизни.

Непонятно, правда, что именно я должна была выучить. Что любой может предать? Что людям нельзя доверять? Не уверена, что хочу делать такие выводы...

Необременительный разговор о погоде и столице мой сосед поддержал с воодушевлением. Он, к счастью, оказался не местным жителем и столичными сплетнями не очень-то интересовался, приезжал сюда по делам и сейчас возвращался домой, к жене и детям. Очень боялся, что что-нибудь забыл, поэтому дергался то и дело проверять гостинцы и рабочие документы. Со мной он должен был ехать всего сутки, его родной город располагался не так уж далеко.

Для меня вообще-то стало новостью, что в этот Клари ходят поезда. Правда, вскоре выяснился подвох, который меня успокоил: это событие происходило два раза в декаду и шел туда не весь состав, а один вагон. Его в Фонте, крупном городе в восьми часах пути от Клари, отцепляли и ставили довеском к товарному. В городке имелся приличный рыболовный флот, до-

быча которого перерабатывалась там же, на заводе, так что общение с ним было все же весьма активным.

В Фонте я заранее предчувствовала неприятности. Одно дело — просто ехать куда-то на поезде, который вряд ли куда-то денется целиком, а вот куда и как нас перецепят — это большой вопрос. Проводница, молодая энергичная женщина, успокаивала, что у них все всегда точно и аккуратно и таких серьезных осечек не бывает, в худшем случае — пара часов опоздания, и я даже делала вид, что верю. Но успокоюсь, наверное, только тогда, когда окажусь в той самой симпатичной уютной комнате в доме у какой-то мирной старушки, которой грозился Марг.

Ненавижу путешествия.

В качестве страховки я везла с собой письмо от следователя к его другу-шерифу. Что-то подсказывало, что почта до города Клари приедет со мной вместе, в том же самом товарном составе, так что надежды на радушную встречу было немного. Впрочем, ладно, доберусь как-нибудь.

Если не считать этих опасений, дорога выдалась очень скучной и нескончаемой. До Фонта было больше двух суток пути, и время я коротала за чтением, чаще всего — в вагоне-ресторане. Хуже всего было ночью: я и так слишком хорошо выспалась за дни в больнице, а тут еще вагон качался, да и первый попутчик похрапывал. Несильно, вполне мог бы гораздо громче, но эти звуки все равно норовили доконать.

Впрочем, когда сосед распрощался и вторую ночь я встретила в одиночестве, легче не стало. Отвратительное состояние: накопившаяся монотонная усталость давила на виски, глаза закрывались сами собой, но дальше дело не шло и заснуть все никак не выходило. Я ворочалась, то и дело поправляла подушку, потом садилась и зажигала свет. Немного читала, быстро начинала клевать носом, снова укладывалась — и все повторялось по новому кругу.

Уснуть в итоге сумела только к утру, кажется, просто потому, что поезд сделал длинную остановку и перестал качаться. И неожиданно для себя самой проспала аж до полудня — все-таки мне повезло, что билет на соседнее место до Фонта никому не понадобился.

Тоже та еще странность. Неужели в Клари регулярно ездит кто-то, готовый покупать такие дорогие билеты? В вагоне име-

лось одно двухместное купе — первый класс, два обычных четырехместных — второго класса, а остальную часть вагона отдали под третий класс — ряды коек в два яруса, разделенных перегородками на небольшие закутки. Такое смешение показалось странным, хотя я и не могла назвать себя знатоком поездов, слишком редко путешествовала.

Да что там, если совсем честно — всего три раза в жизни ездила куда-то дальше столичного пригорода. Первый раз — когда мы с Ангеликой сбежали из родного городка, и два раза во время учебы, когда мы еще пытались навещать малую родину.

В ожидании прибытия воспользовалась тем, что купе в моем единоличном распоряжении, и минут пятнадцать провела перед висящим на двери зеркалом, пытаюсь сделать что-то с волосами. Вовремя, что и говорить! Заниматься этим надо было перед отъездом, а сейчас... В последнюю квартиру было совсем не до прически, поэтому когда-то аккуратная стрижка неровно обросла и потеряла форму. Кроме того, волосы у меня тонкие, после мытья пушатся, а без него уже на третий день, который как раз сейчас наступил, выглядят жутко грязными. А если прибавить беспокойную ночь, после которой они прихотливо торчали во все стороны... тихий ужас. Хорошо меня Лика не видела!

Но, с другой стороны, меня начала беспокоить собственная прическа, а это добрый знак.

Отчаявшись в итоге изобразить что-то приличное, я бесхитростно собрала волосы в два куцых и очень воинственных хвостика, как делала всегда, занимаясь домашним хозяйством. В сочетании с прямой синей юбкой и белой блузкой выглядело убийственно. Но увы, в моем гардеробе просто нет достаточно легкомысленных вещей, с которыми такая прическа смотрелась бы более уместно: статус не позволял.

В купе первого класса проводницу можно было вызвать с помощью специального звонка, но, поскольку размещалась она буквально за стенкой, я решила не дергать человека и заглянуть к ней самостоятельно, чтобы взять кофе и задать несколько вопросов.

Кофе у проводницы, как я уже знала, имелся, причем очень неплохой, и небольшая машинка для его приготовления, работающая на огненных кристаллах, — тоже. Этот бодрящий напиток вошел в моду в нашей части мира сравнительно недавно,

уже после Разлома, когда мы начали активнее торговать с Сердцевиной. Кофе является национальным продуктом в Красном лепестке, и долгое время только там его выращивали. У нас тоже пытались, но получалось плохо. До тех пор, пока во время недавней войны деморов с венгами в наших краях не осели некоторые беженцы из Красного лепестка.

— Скажите, а в поезде, случайно, нет душа? — спросила я без особой надежды, ожидая, пока небольшая машинка перестанет жужжать и дышать паром.

— Не в этой жизни, — весело улыбнулась в ответ проводница. — Сама каждый раз жду не дождусь Фонта, там будет полно времени, можно сходить.

— Ой, нет, я в таком случае лучше до Клари потерплю! — поспешила я отказаться от этой идеи.

— Напрасно, там на вокзале очень приличные душевые, он же почти новый.

— Нет, не в этом дело. Я редко путешествую и очень боюсь отстать от поезда, поэтому...

— А-а, ну тогда не знаю, обрадую я вас или расстрою, но вагон будут перестегивать без людей, — развеселилась девушка. — Так что выйти все равно придется.

— Но почему? — растерялась я.

— Состав товарный, положено. — Проводница пожалала плечами. — Если так боитесь — пойдемте вместе, буду рада компании, а то моя подруга поменялась на этот рейс, и я уже предвкушала прогулку в одиночестве.

— С большим удовольствием! Вряд ли поезд уедет без вас.

— Этот может! — рассмеялась собеседница. — Татина, лучше Тати.

— Тогда — Винни, — ответила я.

Запоздало испугалась и попыталась вспомнить, под каким именем тут нахожусь, и с облегчением сообразила: поменяли только фамилию, все же имя у меня не менее распространенное, чем цвет волос.

Татина умела расположить к себе, приободрить и поднять настроение, ее оптимизм легко и ненавязчиво заражал — именно то, что было мне сейчас нужно, буквально подарок Творца. В душу она не лезла и подробностями моей жизни не интересовалась, я отвечала взаимностью, и оставшиеся свободные полчаса мы, попивая кофе, болтали о вещах важных, но совершен-

но безобидных: об одежде, уходе за волосами и прочих милых женскому сердцу мелочах.

Потом я ушла к себе в купе — в вагоне уже поднялась суета, в Фонте сходили многие, и я не стала дольше отвлекать Тати от ее обязанностей. Договорились, что она всех выпустит, проверит вагон, сообщит начальнику поезда, что все нормально, и потом зайдет за мной.

Я в конце концов решила дождаться ее снаружи, подышать относительно свежим воздухом — за всю дорогу не выходила из поезда, малодушно уступая иррациональным страхам. Однако вскоре об этом пожалела. Фонт встретил шумом, суетой и ужасной погодой: с неба сыпал частый мелкий дождь, горсти которого швырял в лицо сильный порывистый ветер. Если в столице осенью еще даже не пахло, то здесь она бушевала всюю. Интересно, и в Клари такой же... курорт?

Пока ждала на перроне Татину, успела замерзнуть. И хотя, повинувшись наитию и паранойе, я взяла с собой достаточно теплое пальто, от ветра оно спасало мало. А зонт так и вовсе рвался из рук невоспитанным псом, не защищая при этом от воды.

— Все, я готова! Пойдем. А ты чего такая синяя? — искренне удивилась Тати и, подцепив меня под локоть, бодро потащила вдоль быстро опустевшей платформы.

— Холодно же! — пояснила очевидное. — Я вообще не мерзлявая, но тут...

— Погоди, ты что, без ветряка?! — ужаснулась она.

— Да как-то необходимости не было никогда...

— Тогда сначала в магазин зайдем, — решила Татина. — Как можно ехать в эти места без ветряка?! Все равно придется брать, а здесь точно выйдет дешевле и проще, чем в Клари.

Я не то что не стала возражать — искренне поблагодарила за идею.

В Шорре, столице, очень мягкий климат, за что я ей искренне признательна: на мой вкус, он идеален. Нет сильных морозов зимой, нет иссушающей жары летом, переходы от сезона к сезону — плавные. Так что для защиты от непогоды вполне хватает обыкновенной одежды, нет необходимости прибегать к помощи артефактов, легкие чары от промокания на пальто не в счет.

Ветряками, грелками и пузырями называли небольшие подвески в виде брелочков, которые обычно нашивались на вер-

хнюю одежду под подкладку. Полезная вещица содержала артефакт несложного плетения и кристалл-накопитель соответствующей силы и защищала от непогоды в той или иной степени. Все, что требовалось от хозяина одежды, — менять камни по мере истощения.

Подобрать нужный ветряк нетрудно, мы потратили на это минут десять. Вот совместить несколько артефактов разного стихийного наполнения в одной вещи сложно, и первое, о чем предупредил продавец, — это не использовать подвеску одновременно с другими. Но о том, чем это чревато, я и так прекрасно знала: в шоррских судах постоянно рассматриваются дела, связанные с этим нарушением техники безопасности, и по каким только статьям не проходят разбирательства! От попыток нерадивых граждан взыскать с артефакторов компенсацию до покушений на убийство, порой успешных.

В той же лавке я аккуратно прикрепила ветряк специальной булавкой к воротнику: пришить, конечно, надежнее, но не заниматься же этим прямо сейчас! И в очередной раз отметила, как даже одна маленькая деталь способна существенно изменить настроение и отношение к жизни: с ветряком Фонт показался мне гораздо более симпатичным и дружелюбным городом.

А уж когда Тати сдала меня с рук на руки парикмахеру, настроение скакнуло на недостижимую в последние дни высоту. Я даже не вспомнила о собственном страхе отстать от поезда, когда Татина оставила меня наводить красоту и убежала по своим делам. Творец с ним, с поездом, в конце-то концов! Деньги и документы у меня при себе, а там как-нибудь доберусь.

Впрочем, Тати показала себя ответственным человеком, и еще через час мы вдвоем сидели в привокзальном кафе, весьма довольные жизнью. Большой зал П-образной формы казался неожиданно уютным — несмотря на обилие посетителей и плотно стоящие столики, здесь было достаточно тихо, негромко играла ненавязчивая музыка. Явно не обошлось без заглушающих артефактов, что приятно удивило.

Когда мы устроились за одним из круглых столиков на удобных стульях с ажурными плетеными спинками, двое мужчин за соседним некстати перешли от мирной беседы к скандалу. Я бы, может, ничего не заметила, но тот из них, что сидел к нам спиной, вдруг подскочил с места, да столь резко, что стул отлетел прямо к нам.

— Ты об этом пожалеешь! — пригрозил он хрипло и добавил пару грязных ругательств. После чего поднял стул, невнятно буркнул в нашу с Татиной сторону извинения и направился к выходу. Черные короткие волосы, черный распахнутый плащ, крыльями плеснувший по воздуху, — мужчина напоминал тощего грача, правда, лица его я так и не увидела.

— У тебя есть несколько дней передумать, — бросил ему вслед собеседник. Не знаю, слышал ли уходивший, но мы, видимо, находились достаточно близко, чтобы магия не сработала.

Второй, оставшийся сидеть, показался смутно знакомым, хотя на первый взгляд не было в нем ничего запоминающегося — узкое, бледное, в обрамлении коротких пепельно-серых волос, с прямым носом и тонкими губами. Приятное, располагающее... Точнее, казавшееся таковым, пока мужчина не расплылся в улыбке. Приторная, сальная, она вызвала нестерпимое желание умыться, словно в лицо плеснули какой-то дрянью. И вот ее я точно уже видела. Но где?..

— Ну надо же, как мне сегодня везет! — протянул незнакомец, проворно поднимаясь. В фигуре тоже не было ничего примечательного — худощавая, чуть сутулая. — Легендарная Лавиния Шейс собственной персоной! Какими судьбами в этих краях? Вы же затворничаете в столице! — Он не просто подошел, но без приглашения уселся к нашему столику.

— Не понимаю, о чем и о ком вы говорите, — как можно тверже и спокойнее ответила я.

Татина на незнакомца смотрела с опасливым любопытством, однако, опередив меня, коснулась маленькой хрустальной пирамидки в центре стола. Из нее вылетел голубоватый светлячок, до сих пор медленно плававший внутри стекла, и устремился прочь, за официантом.

— Ну брось, Винни, тебя любой шоррский житель в лицо знает, — фамильярно подмигнул мужчина. — Так какими судьбами здесь, в этой глуши, такой славный улов?

— Вы сумасшедший. Или вы сейчас же уйдете, или вас уведут, — продолжила я в том же тоне, не позволяя себе ввязаться в разговор.

— Напрасно ты так, с прессой дружить надо. — И опять эта тошнотворная улыбочка.

— Добрый день, вы определились с заказом? — возник рядом официант.

— Нет пока, нам не дают, — обратилась к нему Тати с вежливой улыбкой. — Вот этот мужчина к нам пристает, вы не могли бы позвать охрану?

— Вот так, значит? — усмехнулся так и оставшийся безымянным тип. — Напрасно, госпожа Шейс, напрасно, — с угрозой в голосе добавил он и опять поднялся. — У меня пока есть дельце поинтересней, но и о тебе я не забуду. Руки убери! — буркнул он официанту. Бросил несколько купюр на столик, за которым до этого сидел, и направился к выходу.

— Какой неприятный тип, — заметила Татина, когда официант все-таки принял заказ. — Ты его знаешь? Что ему от тебя было нужно?

— Понятия не имею, кто это, — ответила искренне и уже гораздо менее честно добавила: — И он явно меня с кем-то перепутал, моя фамилия Ракс. Хотя совпадение, конечно, забавное...

— Ну в таком случае мне жаль твою тезку, очень противный хмырь, — хмыкнула Тати. Поверила или нет — непонятно, но настаивать на другой версии не стала. — Интересно, чем она так знаменита?

Я только развела в ответ руками, и собеседница, к счастью, оставила эту тему и переключилась на менее щекотливые.

И я наконец узнала, откуда взялся такой странный вагон от столицы до Клари. От Фонта к побережью ходили и другие составы, но там были в основном сидячие места — ехать недалеко, стоит гораздо дешевле.

Дело оказалось в одном богатом промышленнике. Он занимался переработкой рыбы, владел несколькими заводами и имел в Фонте, да и во всей этой области, большое влияние. Этот господин опасался автомобилей, но очень любил железную дорогу — наверное, не наигрался в детстве, как смеялась Татина, — и все свои поездки старался совершать именно на поездах. В Клари располагался один из его заводов, а в стороне от города у промышленника имелся большой особняк, где он любил отдыхать. А автомобильная дорога туда шла всего одна, довольно опасная, часть которой пролегла по весьма крутому серпантину.

В общем, ничего удивительного, что в Клари этот тип предпочитал добираться поездом. Раньше вагон тоже ходил по тому же расписанию но обычный, третьего класса. Промыш-

ленник же оплатил замену и еще регулярно доплачивал, чтобы первый класс придерживали за ним до последнего, так что убытков железная дорога не несла.

— Очень приятный мужчина, забавный, — с улыбкой поделилась Татина, которая в этом вагоне каталась уже второй год и имела возможность познакомиться. — Шутит всегда и совсем незаносчивый. Но теперь его, наверное, долго не будет, до самой зимы: он терпеть не может местную осень.

— А ты хорошо знаешь Клари?

— Нет, откуда! Да и зачем? Поезд приходит туда глубокой ночью, а в полдень уже обратно. Честно говоря, там вообще делать нечего, не представляю, зачем тебя туда вообще понесло.

— Мне сказали, это прекрасное место для отдыха, — с сомнением ответила я. — Хотя мне эта идея чем дальше, тем меньше нравится.

— А почему нельзя было отдохнуть где-нибудь на курорте? Прости, но ты совсем не похожа на любительницу тихой деревенской жизни, — хихикнула проводница.

— Врач сказал — нужно тихое место, — призналась я.

Речь об этом раньше не заходила, да и не стала бы я поддерживать эту тему. Но после стычки с незнакомцем почувствовала себя немного виноватой перед Татиной. А еще я достаточно к ней привыкла и уже не испытывала протеста против разговора по душам.

— Врач? — озадачилась собеседница.

— Менталист, — поделилась чуть смущенно. Эту часть моей временной биографии мы с Маргом согласовали, поэтому наговорить лишнего я не боялась. — Рекомендовал тишину, покой и перемену места.

— Но зачем сюда-то? — еще больше растерялась она. — Уж лучше теплое море и интересные мужчины!

— Вот как раз чтобы без последнего, — вяло улыбнулась я. — Я... в общем, сложное расставание с бывшим и...

— Ой, извини! — опомнилась Тати. — Тогда конечно. Мне тоже после Брайла тошно было на мужиков смотреть, казалось, что они все такие же сволочи. И тут твой доктор прав: Клари, наверное, подойдет лучше всего!

Одна из извечных женских тем на удивление подняла настроение и еще больше нас сблизила. Татина искренне пожаловалась на своего бывшего, я — почти честно — на своего, и это

взбодрило не хуже сеанса у менталиста. В конце концов к поезду мы возвращались, довольные жизнью и друг другом, и я даже не поглядывала нервно на часы, боясь опоздать. Да я вообще об этом собственном страхе забыла.

Свой вагон Тати нашла без труда. Он стоял в самом конце длиннющего грузового состава где-то на задворках вокзала, просто посреди пути без платформы рядом, и мне с трудом верилось, что вот точно так же в этот самый вагон садится один из богатейших людей этого края лепестка. Но повода не верить Тати не было.

У вагона уже собралась небольшая кучка пассажиров, стремящихся попасть внутрь и укрыться от моросящего дождя. Оставив меня с будущими попутчиками, Татина умчалась куда-то вперед, вдоль состава. Несколько ожидающих проводили ее тоскливыми, полными надежды взглядами, но окликать не стали.

Между собой пассажиры не разговаривали — погода не располагала. Как мокрые воробьи, все нахохлились под куполами зонтов, и даже обладание защитными артефактами людей не бодрило. Опознать, кто из них что предпочитал, было нетрудно: чью-то одежду, как и мою, ветер не трепал безжалостно, а ласково и едва ощутимо поглаживал, у кого-то подол длинной светлой юбки не отяжелел от воды и не потемнел от грязи, кто-то стоял к ветру спиной в расстегнутом, небрежно наброшенном на плечи пальто, не боясь холода.

Хорошая вещь артефакты. Наверное, если бы не они, уроженцы нашего лепестка могли бы обижаться на Творца и считать себя обделенными. Магия облегчает жизнь всем остальным обитателям мира, а нам... Ментальная магия и некромантия слишком узкоспециализированны и слишком сложно их назвать даром, потому что куда чаще они оказываются ближе к проклятию.

Но у нейтралов есть одно преимущество: лишенные собственной магии, только мы способны создавать сложные артефакты. Маг просто не в состоянии так тонко сплести нити чар в предмете, его собственная сила будет создавать помехи. Так что наш лепесток в итоге здорово отличается от всех остальных: там артефакты — экзотичная диковинка, а у нас — необходимая часть жизни.

Раньше с ними была только одна сложность: заряжать магией накопители могли только некроманты, помещая туда диких духов. Подобные вещицы довольно капризны в обращении и требуют сложных преобразователей для использования в быту. Но теперь, когда налажена торговля с Сердцевиной и универсалами из Зеленого лепестка, такой проблемы нет, накопителей много и стоят они сравнительно недорого: для их наполнения не нужна собственная сила мага — в кристаллы идет та, что рассеяна в пространстве.

Иногда кажется, что из меня мог получиться очень хороший артефактор. Эта работа требует аккуратности и внимания, почти как моя собственная. Правда, нужна еще математика, а ее я не могу назвать любимой наукой, но... интересно все же, как сложилась бы моя жизнь, если бы без малого двадцать лет назад я выбрала другой путь?

Полусонные размышления о смысле жизни прервало возвращение Татины, она завозилась возле вагонной двери, громыхая железом. Пара мужчин тут же вызвалась помочь, и отказываться Тати не стала, так что уже через десяток секунд дверь гостеприимно распахнулась — где-то высоко вверху, над неудобной железной лестницей.

Все же я очень не люблю путешествовать.

Пассажиры собрались в кривоватое подобие очереди, еще несколько минут, показавшихся особенно долгими, ушло на посадку, и я с облегчением опустилась на застеленную койку в купе. Чувствовала себя в этот момент так, словно вернулась домой после долгого, сложного пути. Неожиданное ощущение, забавное — как быстро человек ко всему привыкает!

Я устроилась на своей койке с книжкой в намерении скоротать так ближайшие часы. От Фонта до Клари недалеко, и обычные пассажирские составы добираются за три-четыре часа, но наш поезд груженный, поэтому ползти это расстояние он собирался почти шесть часов. Как объясняла Тати, все дело в извилистом и сложном пути, по которому состав тащился весьма неспешно. Сейчас вдоль побережья строилась новая железная дорога, прямая и более скоростная, но проехать по ней удастся в лучшем случае через пяток лет.

Поезд тронулся тяжело, медленно, натужно. Наш, самый последний, вагон дернуло, под полом низко и угрожающе лязгнуло, но на этом все успокоилось. Потом грохнула входная

дверь, что заставило меня отвлечься от книги... и мысленно выругаться.

— А это становится все интересней! — оскалился безмян- ный журналист, перегораживая щуплой фигурой узкий проем, как будто намереваясь не дать мне сбежать. — И что же ты забыла в Клари?

— Опять вы? — бросила я раздраженно. Подниматься не стала — слишком много чести, да и все равно он выше. — И не хамить вы, как я понимаю, не умеете? — спросила задумчиво.

— Ха! Ну точно, собственной персоной. — Журналист поставил небольшой саквояж на соседнюю койку, плюхнулся рядом с ним. — Да я с тобой вообще могу не говорить! Я редактору такую новость в клювике принесу — он мне за одну только нее отвалит круглую сумму. Был бы я не так занят сенсацией покруче, взялся бы за тебя. — Он снова фамильярно подмигнул. — Так все-таки что ты забыла в Клари? Ставлю на любовника! С которым вы лихо натянули нос всей Шорре. А? Честная судья, да еще баба... Пфф! Так я и поверил! Ну признайся, как ты их всех надула? Я никому не скажу!

Я слушала болтовню этого скользкого типа вполуха и раздумывала, что делать. Конечно, выслушивать его все оставшееся время пути я не собиралась, но с ходу придумать, чем заткнуть, не могла. Всегда завидовала людям, которые способны найти остроумный ответ на какую-нибудь гадость сразу, по горячим следам, потому что сама обычно терялась. Вот как сейчас. Вроде и не задевает — понятно же, что человек дрянь, и странно было бы принимать близко к сердцу его болтовню, но все равно... Неприятно горячо в затылке, ком в горле, коло- тье в пальцах, и сердце стучит как-то нервно, дергано, как будто происходит нечто важное, серьезное.

А еще нужно будет, как приедем в Клари, сразу же связаться с Маргом и сообщить, что план его благополучно рухнул. Принесла же нелегкая сюда этого проныру...

Но от поиска если не изящного, то хотя бы достойного выхода из положения меня спасла Татина. Разглагольствования так до сих пор и не назвавшегося соседа прервал стук в дверь, проводница заглянула внутрь:

— Госпожа Ракс, можно вас на пару слов?

— Да, конечно! — кивнула я и принялась обуваться. Подхватила сумку...

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава первая</i> , в которой каникулы оказываются неизбежны	5
<i>Глава вторая</i> , в которой случайный попутчик портит отпуск	23
<i>Глава третья</i> , в которой разбиваются надежды	42
<i>Глава четвертая</i> , в которой письмо находит адресата	55
<i>Глава пятая</i> , в которой происходит допрос	69
<i>Глава шестая</i> , в которой находят кое-что интересное	80
<i>Глава седьмая</i> , в которой жизнь начинает налаживаться	93
<i>Глава восьмая</i> , в которой шерифу не нравятся улики	108
<i>Глава девятая</i> , в которой намечаются подозреваемые	122
<i>Глава десятая</i> , в которой беседуют за чаем	137
<i>Глава одиннадцатая</i> , в которой появляется план	150
<i>Глава двенадцатая</i> , в которой завязываются знакомства	162
<i>Глава тринадцатая</i> , в которой выясняются неожиданные подробности	176
<i>Глава четырнадцатая</i> , в которой тянут за ниточку	191
<i>Глава пятнадцатая</i> , в которой находят черного человека	204
<i>Глава шестнадцатая</i> , в которой приходится справляться с потрясением	216
<i>Глава семнадцатая</i> , в которой много отдельных деталей	228
<i>Глава восемнадцатая</i> , в которой поднимаются медицинские вопросы	241
<i>Глава девятнадцатая</i> , в которой определяется главный подозреваемый	254
<i>Глава двадцатая</i> , в которой нависает угроза	265
<i>Глава двадцать первая</i> , в которой приходит шторм	278
<i>Глава двадцать вторая</i> , в которой добро побеждает, но осадок остается	292
<i>Глава двадцать третья</i> , в которой не удастся отдохнуть	307
<i>Глава двадцать четвертая</i> , в которой опять совершаются ошибки	319
<i>Глава двадцать пятая</i> , в которой происходит неизбежное	332